

Литературныя замѣтки.

I.

Эдмондъ Эстонье Жульенъ Дарто Библиотека
Жизни № 5 (*).

Молодой французскій писатель Эстонье написалъ небольшую, но очень значительную книгу въ которой рѣзкими штрихами изобразилъ французскую дипломированную молодежь, ту молодежь, изъ которой вырабатываются дѣятели въ областяхъ промышленности и политики. Какъ произведение искусства, эта книга не выдержитъ строгой критики: она написана сильно—но торопливо, ярко—но эскизно; она производитъ впечатлѣнныя картины, очень большой и по размѣру и по мысли, но кажется написанной ученикомъ. Въ порывѣ творчества, увлеченный идеей, положенной въ основу книги, Эстонье писалъ пожалуй слишкомъ однотонными красками, но это не лишаетъ его книгу глубокаго общественнаго значенія, не мѣшаетъ ей возбуждать въ читателѣ мысль и чувство. Въ книгѣ Эстонье явно ощущается страстное отношеніе автора къ жизни, въ ней звучитъ большая внутренняя правда; вѣтшіе недостатки порою даже какъ бы подчеркиваютъ внутреннее значеніе книги, ибо кажется, что авторъ—самъ одинъ изъ героевъ, изображаемыхъ имъ, и во многомъ кровно сродненъ съ ними.

Главное лицо книги Жульенъ Дарто, сынъ мужика, только что кончилъ политехническую школу и на первыхъ страницахъ романа ищетъ себѣ мѣста. У этого молодца сильная воля, но она еще не дисциплинирована, и хорошо развитое чувство собственного достоинства. Онъ—мужикъ, здоровъ, практиченъ, жадно хочетъ жить, хочетъ богатства, власти, наслажденія, но еще не имѣетъ мѣста въ жизни, достойнаго его способностей, и пока живетъ уроками. Его отецъ смотритъ на него,

*) Я не излагаю содержаніе книги, находя это ненужнымъ—важна мысль ея, олицетворяемая въ Жульенѣ Дарто. Къ тому же изложенія содержанія книгъ поощряютъ умственную лѣнь и прайднословіе въ русскомъ читателѣ, ибо, позволяя ему не читать книги, въ то же время не мѣшаютъ болтать о ней.

какъ на „дѣло“, въ которое онъ вложилъ извѣстный капиталъ и которому уже пора приносить извѣстные проценты. И самъ Жульенъ смотритъ на себя также: „Пятнадцать лѣтъ мы выбивались изъ силъ“, говорить онъ своимъ товарищамъ Шеню и Градуану, людямъ менѣе прямымъ въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ онъ, и болѣе слабымъ, чѣмъ онъ—„Послѣ коллегіи, экзаменъ на бакалавра, потомъ еще два года долбня; наконецъ, конкурсъ, т. е. сортировка. На конкурсѣ насъ пришло восемьсотъ, а черезъ день пятьсотъ исчезло. Остались избранныки и мы въ томъ числѣ. Но этого мало: насъ снова выбираютъ, даютъ дипломы при выпускѣ. На этотъ разъ остаются лучшіе изъ лучшихъ... Эти избранныки олицетворяютъ собою умственный капиталъ. Капиталъ въ точнѣйшемъ значеніи слова: въ каждомъ изъ насъ воплощены расходы на ученіе за пятнадцать лѣтъ и столько же жизни безъ заработка. Существуетъ правило, что капиталъ долженъ давать доходъ... Я имѣю право на проценты съ моего времени, съ моихъ денегъ“.

Старикъ Дарто полагалъ, что это право имѣетъ только онъ, общество увѣрено, что ему именно должны идти проценты съ воспитанной имъ личности, государство предъявляетъ свой счетъ. Но у молодого Дарто своя точка зрѣнія,—точка зрѣнія личности, считающей себя совершенно свободной отъ всякихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя ей внушаютъ ея личныя желанія и стремленія.

„Это какой-то грабежъ мозговъ безъ всякаго вниманія къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ склонностямъ! Въ одинъ прекрасный день берутъ ребенка, замуровываютъ его въ коллегію: онъ не знаетъ, чего отъ него хотятъ, куда его ведутъ. Когда операція кончена, общество производитъ сортировку и кидаетъ отбросы въ помойную яму! Вотъ кто эксплуататоръ! Вотъ кто истинный виновникъ, убивающій безъ жалости, ради своего удовольствія!“

— И пользы,—слѣдовало бы прибавить Шеню, ибо это уже говоритъ второй Дарто, неудачникъ.

Какъ видите, въ его словахъ звучитъ нѣчто, съ чѣмъ, при всемъ нашемъ лицемеріи, мы должны согласиться.

И мы—русское общество—тоже должны подуматъ надъ этимъ, хотя кричитъ французъ Дарто. Вѣдь очень возможно, что завтра же закричитъ Василій Петровъ, человекъ восемь лѣтъ сидѣвшій въ классической гимназій и четыре года голодавшій въ университетѣ.

— Вы отравили меня латынью, вы исковеркали мнѣ мозгъ глупостью школьныхъ учебниковъ, вы не помогли мнѣ, когда я голодалъ, когда меня выгоняли изъ университета за невзносъ платы... Такъ не смѣйте же требовать отъ меня ничего,—я не долженъ!

Услыхавъ такія рѣчи изъ устъ Василія Петрова, мы, разумѣется, расскажемъ его, изсѣчемъ кнутами моральныхъ сентенцій... но Васья не будетъ насъ слушать, а станеть съ аппетитомъ и жадностью ѣсть общественный пирогъ и даже, можетъ быть, будетъ запивать его кровью другого классика, ближняго своего.

— Я не хочу быть только орудіемъ,—говоритъ личность современному обществу, которое строить фабрики, дѣлаетъ машины, исподволь стремится обратить человека въ машину, все меньше цѣнить его и уже не хочетъ идеаловъ иныхъ, кромѣ милліона.

Но пока Василій Петровъ, Шеню, Градуанъ и другіе протестуютъ только словомъ, они не беспокоятъ никого. Очень жаль, потому что изъ среды этихъ бунтарей противъ порабощенія ихъ обществомъ являются такіе люди, какъ Дарто.

Дарто—не Саккаръ Золя, человекъ, въ сущности, не далекаго, тупой человекъ, который любилъ дѣло само по себѣ, увлекался работой, процессомъ ея и которому деньги нравились также сами по себѣ, какъ дикарю блестящія бусы. Дарто—не хладнокровный Поль Астье Додэ, человекъ, который, устроивъ себѣ жизнь теплую и уютную, всетаки счелъ необходимымъ найти и само оправданіе въ теоріи Дарвиновой борьбы за жизнь.

Дарто—изувѣченный условіями жизни, из

голодавшийся, оскорбленный въ своемъ достоинствѣ человѣкъ, который никому ничего не можетъ простить и можетъ и будетъ наслаждаться местию, разрушая то, что исковеркало его, какъ личность.

Онъ—сознательный врагъ общества. Его цѣль—власть, его главная задача—месть. По дорогѣ къ этой цѣли, онъ хладнокровно будетъ давить людей и съ приятнымъ чувствомъ посмотреть на ихъ паденіе, на ихъ несчастье. Въ немъ нѣтъ ничего демоническаго, какъ нѣтъ демоническаго въ машинѣ, какъ нѣтъ демонизма въ динамитномъ патронѣ. Въ немъ есть страсть разрушенія, онъ воспиталъ ее въ себѣ, но она скипѣлась въ немъ почти въ инстинктъ.

Шеню, его товарищъ, говоритъ:

— Въ помойную яму всѣхъ молодчиковъ, которые... изсохли надъ книгами, извелись, отяжелѣли мозгомъ! Въ навозную кучу ихъ, за негодность! Такъ—нѣтъ же! Этого не можетъ быть и не будетъ! Близокъ часъ, когда на этомъ навозѣ взойдетъ нежданная жатва. Рабочій—это только руки, мозги—здѣсь! Онъ—тѣсто, годное для выдѣлки чего угодно, а тутъ—дрожжи, та невидимая закваска, которой необходимо ради охраненія своего существованія, разложить окружающую среду... Да, да, вотъ они, эти дрожжи! Это всѣ ученые, всѣ надорвавшіеся, всѣ переутомленные, всѣ обманутые, для которыхъ уже не существуютъ болѣе никакія понятія о нравственности, которые утратили вѣру въ небесное правосудіе и требуютъ отъ земли того, что она можетъ имъ дать. Они замѣсятъ ту квашню, которая преобразуетъ міръ! Что они такое? Закваска жизни или смерти—не знаю!

Шеню говоритъ вѣрно. Да, всѣ эти люди понемножку разрушаютъ общество, какъ коховскія бациллы живой организмъ. Да, они логически необходимо должны сдѣлать это. Да, да, общество развивается, давить людей, и растеть въ немъ тотъ ядъ, отъ котораго оно погибнетъ. „Умъ и чувство нашихъ гражданъ киснутъ и грязнятся въ трясинѣ нашихъ городовъ“... говоритъ Теннисонъ. Пускай киснутъ! Вотъ кислота, которая разъѣдаетъ

железную жизнь, машинную жизнь, созданную капиталомъ! „Ничто въ природѣ не пропадаетъ безслѣдно!“ И даже запахъ труповъ, запахъ раздавленныхъ тяжелыми колесами технического прогресса людей—и этотъ запахъ имѣетъ свою творческую силу! Онъ не только отравляетъ жирное тѣло капитала, онъ носится въ воздухѣ, питаетъ собою цвѣты идей человѣколюбія, и они растутъ, они цвѣтутъ,—украшаютъ жизнь и возбуждаютъ въ человѣкѣ ненависть къ тому, что порабощаетъ его духъ, его творческій духъ, свободный духъ!

Но Шеню только пассивно приметъ участие въ процессѣ разложенія общества. Слова въ его устахъ—слова и только. Дѣло—дѣлаетъ Дарто. Онъ возражаетъ Шеню:

— Въ ожиданія рая вы хорошо сдѣлаете, если займетесь настоящимъ. Гнилое или нѣтъ,—общество существуетъ, и мы принуждены жить въ немъ. Вы утверждаете, что нѣтъ справедливости. Тѣмъ лучше! Пусть каждая личность устраивается какъ можетъ, а браться за спасеніе человѣчества глупо.

Здѣсь Дарто говоритъ еще какъ слѣбое, безсознательное орудіе разрушенія. Но въ концѣ книги, вѣрнѣе стоя на первой ступени къ своей цѣли, онъ страстно кричитъ Градуану, только что выстрѣлившему въ него изъ револьвера.

— Убивать подъ предлогомъ справедливости—какая грубость! Твоя справедливость—прямо зависть, злоба противъ тѣхъ, кому везетъ въ жизни. Свались тебѣ въ руки кладъ и завтра ты найдешь, что міръ прекрасенъ...

Пока я подчинялся законамъ общества, оно оставляло меня въ бѣдности; въ тотъ день, когда я пренебрегъ ими и пошелъ другой дорогой, оно стало воздвигать предо мною всякія препятствія. Я ненавижу его такъ-же, какъ и ты. Ненависть у насъ одна, но мы идемъ разными путями... Ты говоришь, что власть—обманъ и произволъ, правосудіе—подкупно, религія—лжетъ: все это одни слова, которыхъ никто не слушаетъ, которымъ не вѣрятъ. Власть, правосудіе, религію—я все куплю! Я живой примѣръ того, какъ можно издѣваться надъ прави-

тельствомъ, какъ можно красть подъ покровительствомъ законовъ и тайно грѣшить! При одномъ моемъ приближеніи богатство будетъ въ опасности, совѣтъ людская развратится. Въ одинъ какойнибудь часъ я причину больше бѣдствій, чѣмъ ты, убивая каждый день. Гдѣ я—тамъ нѣтъ чести, добра, кастовыхъ преимуществъ. Такъ согласись, что въ сравненіи со всѣмъ этимъ, твоя анархія—смѣшна! Изъ насъ двоихъ анархистъ—это я, я—дѣлецъ, аферистъ, выскочка, стремящійся взять отъ жизни всѣ наслажденія“!

Вотъ—Дарто! Вы видите, что это новый человѣкъ, а не Саккаръ, не Поль Астье. Его слова истина, прямая и грубая, какъ самъ онъ. Онъ не оправдывается, онъ только опредѣляетъ самого себя. Общество хотѣло сдѣлать изъ него орудіе услугъ для себя и исковеркало его душу, онъ воспротивился и—сталъ разрушителемъ. Онъ—почти символъ.

Онъ погибнетъ, этотъ Дарто,—и чортъ съ нимъ, къ слову сказать!—Его столкнетъ съ высоты, изъ его рукъ вырветъ власть другой Дарто, болѣе ловкій, болѣе сильный, болѣе прямой. И этотъ погибнетъ въ свою очередь. Но каждое паденіе этихъ людей будетъ оставлять трещину въ той стѣнѣ, которую одни люди отгородились отъ другихъ. Каждое паденіе—будитъ чье-то сознаніе, возмущаетъ чье-то человѣческое достоинство.

Въ жизни есть справедливость, высшая чѣмъ та, которую пытаются установить теоретики. Судьбой назвать ее или логикой фактовъ, или еще какъ—все равно. Она есть,—вотъ истина!

И все то, что унижаетъ человѣка, низвергая его въ грязь и какъ раба уродуя его, и все то, что мѣшаетъ человѣку жить согласно желаніямъ духа его,—все это падетъ предъ силой справедливости, которая дѣйствуетъ въ жизни медленно какъ дождь и вѣтеръ, уничтожающій высокія горы—но вѣрно дѣйствуетъ и—восторжествуетъ!

М. Горькій.